

The background is a dark, monochromatic illustration in a sketchy, woodcut style. It depicts a cityscape with a prominent church spire topped with a cross. In the foreground, a hand is shown holding a large, ornate glass filled with a vibrant red liquid. To the left, a small, dark silhouette of a person stands on a ledge. The overall mood is somber and dramatic.

Михаил Одесский
Татьяна Михайлова

ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
ГРАФА
ДРАКУЛЫ

ПОДЛИННАЯ
БИОГРАФИЯ
ОДНОГО
КУЛЬТУРНОГО
ГЕРОЯ

Мифы о мифах

Татьяна Михайлова

**Жизнь и смерть графа
Дракулы. Подлинная биография
одного культурного героя**

«Азбука»

2026

УДК 168.522
ББК 71.05

Михайлова Т. А.

Жизнь и смерть графа Дракулы. Подлинная биография
одного культурного героя / Т. А. Михайлова — «Азбука»,
2026 — (Мифы о мифах)

ISBN 978-5-389-32977-5

Коварный соблазнитель, уродливый старик, воин Христа, сущность, спящая в гробу. Все это – Дракула. Кажется, что он сопровождал человечество всегда – в ночных кошмарах и романтических фантазиях. Образ вампира сформировался в фольклоре, получил вторую жизнь в эпоху романтизма, а позднее стал неотъемлемой частью поп-культуры. Михаил Одесский (Российский государственный гуманитарный университет) и Татьяна Михайлова (Институт языкознания РАН) провели колоссальное исследование и восстановили генеалогию одного из самых загадочных персонажей: от древнерусского «Сказания о воеводе Дракуле» до культового романа Брэма Стокера и его «наследников». Как выглядели первые вампиры? Какое отношение Дракула имеет к большевикам, переливанию крови и русскому символизму? Почему Дракула так часто появляется на киноэкранах? «Жизнь и смерть графа Дракулы. Подлинная биография одного культурного героя» ответит на все эти вопросы. Книга также издавалась под названием «Граф Дракула. Опыт описания».

УДК 168.522
ББК 71.05

ISBN 978-5-389-32977-5

© Михайлова Т. А., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Одесский, Татьяна Михайлова
Жизнь и смерть графа
Дракулы. Подлинная биография
одного культурного героя

Иллюстрации на обложке Марии Волохонской

© Т. А. Михайлова, М. П. Одесский, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Введение

Вампир – уникальный персонаж. И по-видимому, уникальность его таится в том, что он – предмет не классически чистых фольклорных штудий, но – да простится академический жаргонизм – междисциплинарных исследований. Если же обойтись без профессионального арго и пытаться найти адекватную формулу, то образ вампира подлежит определению не посредством привычного исторического анализа (от фольклорного зарождения образа – к проникновению в литературу и массовую культуру), а, так сказать, в «обратной перспективе»: от тиранического доминирования в современном социуме – к фольклорному источнику. А точнее, требуется совмещение и постоянное переключение двух «перспектив» – исторической и «обратной».

Такого рода методологическая специфика обусловлена явной диспропорциональностью между значимостью вампира в культуре XX–XXI вв. и его локальностью, смутностью, нечеткостью (слабой дифференцируемостью среди близких сверхъестественных существ) в традиционном фольклоре.

Компоновочный состав образа вампира, который манифестируется в исторической и «обратной» перспективе, чрезвычайно сложен.

1. Вампир – подобно ведьмам, привидениям, колдунам – образ, который функционировал в традиционном фольклоре различных народов как интерпретативная реакция на некие события (бытовые, медицинские, ритуальные и т. п.).

2. В традиционный фольклор справедливо включать «вампирические» репутации некоторых государственных деятелей (прежде всего – валашского воеводы XV в. Влада Дракулы).

Однако само по себе возникновение легенды о политиках-монстрах, наделенных сверхвозможностями, никак нельзя относить к дифференциальным признакам вампиров: к примеру, полоцкого князя Всеслава Брючславича летописи изображают оборотнем, а соратник Петра I Яков Брюс слыл колдуном. Своеобразие монстров-кровососов здесь выражается в другом: слава Дракулы-вампира распространилась не современниками, а английским писателем рубежа XIX–XX вв. Брэмом Стокером. И хотя есть основания предполагать, что современники думали о своем государе примерно то же самое, но без стокеровского романа исследователи этим едва ли занялись бы и едва ли эксплицировали бы скрытое «вампирическое» послание XV в. «Вампирическая» репутация валашского воеводы открывается исключительно в «обратной» перспективе, а в исторической перспективе эта репутация, по мнению, например, патристически настроенных румынских историков, вообще не существовала.

3. Вампир – в отличие от «соседних» пород оборотней, возвращающихся покойников и т. п. – получил известность благодаря усилиям не столько фольклористов и любителей народной старины, сколько бюрократов и теологов-пропагандистов.

Имеется в виду основательно изученная вампирическая эпидемия XVIII столетия – в эпоху Просвещения, которую авторы соответствующих книг неожиданно именуют «Золотым веком вампиризма». Традиционно считается, что «эпидемия» началась на Балканах в 1720-е гг., однако это не совсем так. XVIII в. по каким-то не совсем ясным причинам лишь дал возможность распространиться эпидемии, «вирус» которой существовал практически всегда на юге полуострова, то есть в Греции. Еще в 1657 г. . . в труде иезуита Франсуа Ришара, который описывал свою миссию на островах Греческого архипелага, говорится, что выходцы из могил (а не вера в них!) распространены там необычайно широко:

Я узнал от одной достойной веры особы, что на острове Амурго эти ложно воскресшие до такой степени обнаглели, что иной раз их встречали среди бела дня на каком-нибудь поле, где они, собравшись впятером или вшестером, притворялись, будто едят сырые бобы. Когда я слушал эти

рассказы, мне часто хотелось, чтобы хоть один из наших французских атеистов, которые, стараясь выглядеть вольнодумцами, ничему не желают верить, потрудились приехать в эти края и поверить не ушам своим, но глазам и увидеть с совершенной ясностью, как сильно они заблуждаются, убеждая себя, будто, когда человек умирает, все умирает вместе с ним¹.

Через пятьдесят лет греческие «не-мертвые» переселились на континент, начали появляться в городах, и, как пишет уже в 1701 г. в «Путешествии на Восток» французский дипломат Питтон де Турнефор,

люди самого высокого ума были, казалось, задеты не меньше прочих: это была настоящая психическая болезнь, не менее опасная, чем мания или бешенство. Мы видели, как целые семьи покидали свои дома и со всех концов города тащили свои убогие лежа на площадь, чтобы провести там ночь...²

Не прошло и четверти века, как «болезнь» двинулась дальше, на север. В 1725 г. венгерского крестьянина Петра Плохойовица после его смерти сочли вампиром и обвинили в кончине восьми человек в деревне Кизилова, а в 1726 г. другого крестьянина, серба Арнольда Паоля, умершего после падения с сеного воза, – в истреблении части населения и скота в деревне Медвежьей. Дела были заведены на территории Австрийской империи – державы образцовой бюрократии – и сопровождались аккуратными протоколами (в которых, похоже, впервые был использован термин «вампир»). В процессе расследования дела Паоля военный врач Флюкингер составил протокол *Visum et repertum* («Увидел и записал»), который был скреплен подписями других врачей и офицеров. Протокол был опубликован в 1732 г. и получил европейский резонанс: поднялась «целая волна трактатов и диссертаций о вампиризме; бесчисленные дискуссии и споры велись также в литературных кругах и университетах»³.

Обсуждение «*Visum et repertum*» в периодике обусловило проникновение слова «вампир» во французский и английский языки. Церковь была принуждена реагировать на новое суеверие. Монах Августин Кальме составил двухтомный трактат о «привидениях во плоти, об отлученных от церкви, об упырях или вампирах; о вурдалаках в Венгрии и Моравии» (Париж, 1746). Опровергая веру в вампиров, Кальме систематизировал и представил столько случаев, что его трактат парадоксальным образом стал неисчерпаемым источником для вампирической литературы.

Нетрудно догадаться, что философские звезды негодовали по поводу веры в вампиризм, одновременно способствуя аллегоризации и трансплантации термина в область социологии, где он указывал на паразитов-эксплуататоров. В специальной статье «Вампиры», вошедшей в знаменитый «Философский словарь» (1764), Вольтер саркастически иронизировал:

Что! Это в нашем-то восемнадцатом веке есть вампиры! В них поверили; и это после Локков, Шефтсбери (...), во времена д'Аламберов, Дидро (...); преподобный отец Дон Августин Кальме, священник, бенедиктинец конгрегации Сен-Вана и Святого Гидульфа, аббат Сенона – аббатства, приносящего 100 000 ливров ежегодно, соседствующего еще с двумя аббатствами с теми же доходами, – опубликовал, и не один раз, историю о вампирах с одобрения Сорбонны (...). Эти самые вампиры – мертвецы, которые выходят ночью из своих могил, чтобы приходиться к живым и высасывать их кровь либо из горла, либо из живота, после чего они снова укладываются в свои ямы. Живые от укуса вампира худеют, бледнеют, чахнут,

---

¹ Вильнев Р. Обратни и вампиры / Пер. с фр. М., 1998. С. 116.

² Там же. С. 117.

³ Мариньи Ж. Дракула и вампиры: Кровь за кровь / Пер. с фр. М., 2002. С. 48.

а мертвецы-кровососы жиреют, приобретают здоровый цвет лица и вообще выглядят весьма аппетитно. Они устраивали свои застолья в Польше, Венгрии, Силезии, Моравии, Австрии, Лотарингии. Ни в Лондоне, ни даже в Париже о вампирах и не слышали. Я признаю, в этих городах есть биржевые игроки, трактирщики, деловые люди, которые среди бела дня пьют кровь народа; они, конечно, испорченные, но не мертвые. И проживают эти настоящие кровососы отнюдь не на кладбищах, а в очень удобных дворцах⁴.

Автор современной содержательной статьи, приведя также цитату из написанного Ф. Клингером – представителем движения «Буря и натиск» – романа «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791), где король Людовик XI пьет кровь младенцев «в безумной надежде, что его старое, дряхлое тело помолодеет от свежей и здоровой детской крови», справедливо замечает, что «эта аллегорическая интерпретация темы в дальнейшем глубоко укоренится в общественно-политической речевой практике и, наложившись на новые социально-экономические реалии XIX в., породит известную формулу Маркса о присущей капиталистическому производству „вампировой жажде живой крови труда“»⁵.

Можно подытожить, что источник сведений о вампирах первоначально имел «документальный» характер, а это закономерно придавало образу мертвецов-кровососов достоверность.

4. «Документальность» вампиров несколько отошла на второй план, когда их актуализировала романтическая литература, приравняв тем самым к другим сверхъестественным существам, востребованным эпохой.

Обстоятельства романтической актуализации хорошо известны. В 1816 г. английские путешественники – поэты Байрон, Шелли, Мэри Шелли, врач и секретарь Байрона Джон Полидори – на вилле Диодатти (близ Женевского озера) развлекали себя страшными историями. В итоге Мэри Шелли создала эпохального «Франкенштейна», а Полидори обработал сюжет, намеченный Байроном. В 1819 г. «Вампир», написанный врачом-секретарем и объявленный повестью Байрона, был напечатан вначале в журнале, потом – отдельным изданием. Байрон поспешил отказаться от авторства и опубликовал тот небольшой фрагмент, который он в действительности создал. «Вампир» Байрона – Полидори немедленно завоевал сердца читателей, в частности в России. Повесть содержала многие черты, парадигматические для последующих «вампирических» текстов: перемещения из мира цивилизации в таящие угрозу варварские земли; загадочная привлекательность вампира и т. п.

Эффект был столь разительным, что – как часто случается при использовании сильнодействующих средств – в считанные годы образ заглавного героя превратился в знак литературного штампа. В России А. С. Пушкин в III главе «Евгения Онегина» (1824, публикация – 1827) представляет очерк новейшей романтической литературы:

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен – и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,

---

⁴ Цит. по: Там же. С. 110–111.

⁵ Антонов С. Тонкая красная линия: Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сб. СПб., 2007. С. 25.

Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм⁶.

О. М. Сомов предваряет сказку «Оборотень» (1828–1829) предисловием, где иронически пишет:

«Это что за название?» – скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (какому автору читатели не любезны!). И я, слыша или угадывая ваш вопрос, отвечаю: что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, один за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных красавиц. Воображение мое так наполнено всеми этими живыми и мертвыми страшилищами, что я, кажется, и теперь слышу за плечами шелканье зубов Вампира...⁷

---

⁶ Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб.: Азбука, 2024. С. 65.

⁷ Сомов О. М. Оборотень. Народная сказка // Русская литературная сказка. М., 1989. С. 90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.